

Перельман Ирина Владимировна

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА. ФЕНОМЕН МАРИИ БОЧКАРЕВОЙ

В статье разбираются основные причины трансформации гендерного порядка в России периода Первой мировой войны. Анализируются факторы, обусловившие гендерные катаклизмы социального функционирования, выявляются гендерные идеологии военного времени. Исследуется личность известной женщины-воина Марии Леонтьевны Бочкаревой. Делаются выводы о том, что Первая мировая война существенно изменила содержание гендерных ролей, что привело к отрицательным демографическим результатам в развитии русского общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 142-148. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93

Исторические науки и археология

В статье разбираются основные причины трансформации гендерного порядка в России периода Первой мировой войны. Анализируются факторы, обусловившие гендерные катаклизмы социального функционирования, выявляются гендерные идеологии военного времени. Исследуется личность известной женщины-воина Марии Леонтьевны Бочкаревой. Делаются выводы о том, что Первая мировая война существенно изменила содержание гендерных ролей, что привело к отрицательным демографическим результатам в развитии русского общества.

Ключевые слова и фразы: гендерный порядок; маскулинность; фемининность; гендерная идеология; гендерные стереотипы; гендерная история.

Перельман Ирина Владимировна*Московский государственный педагогический университет**perelman7655@mail.ru***ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО
ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА. ФЕНОМЕН МАРИИ БОЧКАРЕВОЙ**

События Первой мировой войны явились глобальной социальной катастрофой, внесшей огромные изменения в публичную и частную сферы жизни российского общества. Гендерная составляющая этих изменений носит радикальный характер. Ряд российских исследователей, таких как И. О. Дементьев, О. В. Большакова, анализируя современную историографию о гендерных аспектах истории Первой мировой войны, отмечают более глубокую разработанность темы Западного фронта в отличие от Восточного. Западные исследователи уже в 1990-х гг. начали изучать Первую мировую войну в контексте гендерных составляющих. Они зафиксировали значительное изменение гендерных ролей, норм и стереотипов, говорили о дестабилизации традиционных моделей маскулинности и фемининности в условиях первой тотальной войны. «Именно тогда был поставлен под вопрос традиционный стереотип женщины-матери... разделение на публичную и домашнюю сферу...» [2]. Кризис героизированной маскулинности и ее альтернативные модели, изменения в семейно-брачных отношениях и эмансипация женщин под влиянием Первой мировой войны, а также необходимость аналитической категории «гендер» для полноценного описания процессов, происходящих в течение и после этой катастрофы – вот основные акценты, которые сделаны зарубежной историографией в данном контексте [6]. Эти достижения выявляют некоторые ориентиры, на которые должен опираться исследователь, анализируя социальные процессы данного периода в истории Российской империи. Однако своеобразие гендерной трансформации в российской среде не исчерпывается только ими.

Для каждой страны любые гендерные трансформации носят уникальный характер, поскольку категория «гендер» сопряжена с такими уточняющими ее понятиями, как этнос, класс, ментальность. Появление новых гендерных ролей в периоды войн подтверждает тезис И. С. Кона о том, что «усвоение гендерных ролей... варибельный процесс, проходящий под сильным воздействием господствующих гендерных идеологий, видоизменяющихся в зависимости от социальной среды и культурного контекста» [12]. Гендерный порядок военного времени начинает подчиняться интересам борьбы, в которой героизированная маскулинность становится государственной гендерной идеологией. Успех в войне требует маскулинизации всех людских ресурсов страны. Тезис о том, что война – это мужская стихия, обоснован уже потому, что женщины, обладая гораздо более низким физическим потенциалом, доступными им способами во все времена пытались содействовать мужчинам в военном деле, отдавая этому все свои психические и физические ресурсы. «С расширением самого определения войны как исторического феномена, которое включило в себя не только военные действия, но и трансформации общества, и культуру, гендерный анализ с его вниманием к человеческой субъективности стал особенно актуален» [2]. Тема «войны и мира» понимается как важная часть гендерной истории, создающая широкое смысловое поле.

К началу Первой мировой войны Россия являлась аграрно-индустриальной страной, с числом грамотного населения на уровне 21,1%, в составе которого грамотных женщин было в два раза меньше, чем мужчин [23, с. 123]. Российское сословно-классовое общество начала XX века, пораженное экономическими противоречиями, не представляло собой идеологического монолита, которому необходимо было противостоять милитаризованной, единой духом Германии. Ситуацию усугубляла гипомаскулинная¹ личность монарха Николая II, не ставшего для России непререкаемым образом национального единения. Если солдаты первых призывов 1914 г. уходили на фронт под лозунгами «За Веру, Царя и Отечество!», то к 1917 г. они сменились на лозунги «Долой царя!», «Долой войну!».

¹ Гипомаскулинность – одна из разновидностей недостаточной маскулинности, несостоявшаяся маскулинность. «С течением времени гипомаскулинность перерастает в такой вид, как “смирившиеся неудачники”. Главная черта этого типа – открытое признание своего поражения в области профессиональной карьеры. Вину за свои жизненные обстоятельства возлагают не на себя, а на внешние причины, чаще всего – на государство» [13, с. 30].

За время Первой мировой войны в России на службу было призвано 17,6 миллиона человек, 80% из которых составляли крестьяне [Там же, с. 126]. Таким образом, подавляющему числу мужского трудящегося населения страны было необходимо бросать свои привычные занятия и выполнять новые социально-значимые функции, принимая на себя тяжелые воинские обязанности.

Патриотический подъем первых месяцев войны, подробно описанный в исторической науке, нельзя при этом ассоциировать с маскулинностью в ее гегемонной форме, для которой свойственна агрессия, хладнокровие, целеустремленность. Дух патриотизма, желание идти за Царем во имя победы над немцами не были повсеместным явлением, хотя ярко наблюдались, например, в среде петербургских рабочих [5, с. 289-290]. Русский же солдат из глубинки шел на войну неохотно, до конца не понимая ее целей [Там же, с. 290-291], в его сознании не было почвы для культивирования в себе гипермаскулинных черт. Как в мемуарных источниках [5], так и в новейших исследованиях по вопросам военно-мобилизационных мероприятий периода Первой мировой войны указывается на то, что наблюдались явления уклонения от призыва, неявки на сборные пункты, а также хулиганское поведение призывников в связи с отбытием на войну [17, с. 99-150]. Масштабы этих явлений увеличивались от призыва к призыву. Девиации маскулинности усугублялись низким уровнем сознания в простонародной среде, непониманием степени опасности для всего государства. «Стремление уклониться от боевой службы было, к сожалению, более развито в России, нежели в Германии, Франции и Великобритании», однако «мы вовсе не отрицаем наличия чувств патриотизма в русском народе. Вопрос идет лишь о недостаточном социальном осознании долга перед Родиной» [5, с. 108].

Уклонение от воинского призыва осуществлялось путем устройства на работу на предприятия военно-промышленной направленности или путем нанесения умышленного вреда собственному здоровью. В состоятельных слоях населения наблюдались факты откупа детей от воинского призыва, а также прошения об отсрочке или освобождении от призыва по протекции. К методу протекции чаще всего прибегала интеллигенция [Там же, с. 291]. Подобный репертуар действий говорит о деструкции ожидаемого гендерного поведения. В такой обстановке гипермаскулинными чертами народное сознание наделило врага, образ которого был обобщен в лице «Антихриста» – Вильгельма II. Образ врага-Антихриста поддерживался машинным характером войны, к которому русские солдаты трудно привыкали [24]. Преобладающую на этот момент маскулинность в российской действительности можно оценить с позиции ее типологий как «маскулинность соучастников», характерную для поведения тех мужчин, «которые не прилагают усилий, чтобы занять гегемонную позицию из-за недостатка сил или желания» [8]. Обобщая сказанное, можно отметить, что героизированная маскулинность не стала всеобщим нормативным каноном действия для мужской части населения Российской империи в период Первой мировой войны. Она часто принимала маргинализованные формы.

Важнейшим фактором, повлиявшим на трансформацию гендерных ролей с началом Первой мировой войны в российском городе и деревне, явилась мобилизация. Однако степень ее влияния в городах и сельской местности была различной. В крупных городах мужской труд частично заменялся женским. Женщины приходили в металлообрабатывающую промышленность, в особенности на крупные петроградские заводы. А. Л. Сидоров отмечает, что с 1913 г. по 1 января 1917 г. в промышленности «на 10% уменьшился состав мужчин на столько, на сколько увеличился процент женщин. В среднем применение женского труда возросло на 1/3 по сравнению с довоенным уровнем» [20, с. 414-417]. В Петрограде за первые три года войны доля взрослых женщин на предприятиях повысилась лишь на 8%. Сохранению прежнего состава рабочих способствовали отсрочки по призыву в армию. Ими пользовались в стране к октябрю 1916 г. не менее 1 млн 866 тыс. постоянных, опытных, квалифицированных рабочих, связанных с военной промышленностью [19]. «В Москве доля женщин в промышленном труде увеличилась с 39,4% в 1914 году до 48,7% в 1917 году» [18, с. 290]. «На промышленных предприятиях Самары было занято около двух тысяч детей и подростков. Среди рабочих губернии доля женщин составляла 30,5%, а на Трубочном заводе – 40,5%» [17, с. 165].

Радикальные гендерные трансформации в связи с мобилизацией трудоспособного мужского населения в среднем от 20 до 40 лет происходили в сельской местности. Мобилизация в период активных полевых работ вызывала повсеместный ропот сельского населения. Она становилась причиной разрушения традиционной патерналистской гегемонии, которая обуславливала успешность деревенской хозяйственной жизни. Вследствие мобилизации женщинам-солдаткам приходилось становиться главами семей. Авторы монографии «Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье» отмечают, что в Тамбовской губернии с началом войны «недостаток рабочей силы в крестьянских хозяйствах частично компенсировался за счет внутренних резервов деревни – сокращения масштабов отходничества и занятий неземледельческими промыслами, а также усиления применения женского труда» [Там же, с. 51]. Однако эти меры не удовлетворяли всей деревенской необходимости в рабочих руках. Крестьяне настаивали на «отпуске из армии на период сельскохозяйственных работ военнослужащих, в первую очередь специалистов: кузнецов, слесарей и др., то есть тех, от кого зависела подготовка техники и инвентаря к работам» [Там же, с. 62].

Гендерные катаклизмы, внесенные в деревенский жизненный уклад нуждами военного времени, породили многоаспектные разрушительные процессы. Они создали дефицит основных трудовых ресурсов, на которые опиралось крестьянское хозяйство. Увеличение трудовой нагрузки на женские руки, а также руки стариков и детей не компенсировало убывших ресурсов. Это обстоятельство повлекло дестабилизацию экономической основы деревни, особенно в южных и восточных районах Европейской России. Несли большие потери все отрасли сельского хозяйства: скотоводство (Нечерноземье и западные районы), земледелие, землепользование. Пытаясь прокормить семьи в этой ситуации, деревенские женщины активно вступали в кооперативы не только в качестве участниц, но и стремились попасть в правление подобных организаций,

таким образом, делая шаг в публичную сферу жизни. Вхождение в публичность было связано с женскими протестными выступлениями в деревне, например в губерниях Поволжья, причиной которых являлось требование прекратить землеустройство по столыпинской реформе, так как интересы семьи некому было защищать в связи с нахождением в армии глав семейств [Там же, с. 77].

В городах и деревнях Поволжья происходили бабьи бунты, когда в очереди за продуктами затевались ссоры, с вымещением негативных эмоций на торговцев. Они завершались погромом лавок, рукоприкладством и даже летальным исходом. В таких потасовках принимали участие женщины разных социальных слоев – от солдаток до проституток [Там же, с. 88-90]. В число последних часто попадали солдатки, оставшиеся без поддержки. «Бабьи бунты» стали повсеместным явлением российской действительности периода Первой мировой войны [27, с. 148-178]. Они констатировали трансформацию женской гендерной роли в сторону мужской содержательности (кормилец семьи, добытчик), что в тяжелых условиях военного времени приводило к маскулинизации ее проявлений.

Предотвращению подобного способствовала благотворительная деятельность по оказанию помощи семьям ратников, осуществляемая государственной, частной и церковной инициативой. «На основании закона 1912 г., семейства нижних чинов, находившихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или военных дружинах, пользовались правом на призрение за счет казны. Действие закона распространялось на ближайших родственников, как то: жену и не достигших 17-летнего возраста детей, отца, мать, деда, бабу, братьев и сестер указанного лица, если они содержались за его счет. Общая стоимость пищевых продуктов, входивших в состав кормовой нормы, оценивалась в каждой губернии самостоятельно» [17, с. 139]. В Пензенской губернии, например, действовал дамский комитет, председателем которого являлась супруга губернатора О. И. Евреинова. Комитет собирал и распределял пожертвования на содержание семей ратников, их жен и детей. Аналогичные организации создавались по всей стране. Однако в целом подобные меры не смогли полностью предотвратить гендерный кризис военных лет, результатом которого стал феномен «бабьих бунтов». «11 августа 1914 г. был создан Верховный совет по поддержанию солдатских семей и семей раненых и погибших воинов под покровительством императрицы Александры. Но правительство не имело ни чиновников, которые были в состоянии профессионально, ответственно и честно работать по созданию этой системы, ни тех огромных средств, которые требовались для обуздания инфляции, чтобы выполнить свои обязательства перед солдаткой в экстремальных условиях войны» [27, с. 163]. Феномен «бабьих бунтов» явился продуктом гендерного режима двойной нагрузки, возложенной на женщин. «Бабьи бунты», как и «хлебные и сахарные бунты», стали одной из форм агрессии андрогинной фемининности¹, формировавшейся в российской городской и сельской местности в результате вынужденного сочетания мужской и женской социальной ответственности в личности одного индивида.

Единственная гендерная роль, которая легитимно предлагалась женщине в публичной сфере военного периода, – это роль сестры милосердия. Образ сестры милосердия стал официальным фемининным символом гендерной идеологии военного времени, поскольку поддерживался на уровне конструкта патриотической пропаганды членами царской семьи, хотя воспринимался обществом в интерпретации царственных особ не всегда однозначно [11]. Более того, знак Красного Креста объединил женщин всех воюющих стран. Известен героизм сестер милосердия на поле брани. Лучшим его примером служит образ сестры милосердия Риммы Ивановой, поднявшей в атаку роту 105-го пехотного Оренбургского полка и погибшей в этом бою.

Милитаризация сознания коснулась всех социальных слоев российского общества, в том числе и детей от 10 до 16 лет, стремившихся попасть на фронт. Говоря о трансформации российского гендерного порядка периода Первой мировой войны, необходимо помнить об интенсификации процессов гендерного развития в подростковой среде. Феномен детского патриотизма рождал случаи участия в войне детей и подростков, причем это явление было характерно не только для Восточного фронта. «Желание оказаться на фронте заставляло забыть обо всем не только русских детей, но и французских, английских. В западных державах были сформированы специальные молодежные организации, которые занимались в тылу охраной особо ответственных объектов: железнодорожных мостов и вокзалов, водокачек, переправ, пунктов связи» [22]. Война стала фактором психологического скачка в развитии детей и подростков как городской, так и деревенской среды, поскольку попасть на фронт удавалось и тем, и другим. Она активизировала процессы становления маскулинного концепта в сознании детей/подростков, стала периодом, усугубившим формирование идентичности «бойца-защитника» путем детской романтизации войны как явления, возможности личного участия в военных мероприятиях.

Однако далеко не все было однозначно в вопросе участия детей в войне. Этот вопрос крайне сложен и противоречив. Кроме известных фактов детского героизма на войне [7], в реальности дети нередко «являлись лишь помехой, обузой для армии, принося только дополнительные хлопоты» [10, с. 209]. Их возвращали назад в тыл, где по пути домой им приходилось по нескольку дней сидеть в тюрьме до выяснения личности. «Дети пребывали в одной камере с взрослыми арестантами и позже давали немалый процент клиентов судов для малолетних» [Там же]. Русской контрразведкой был установлен факт наличия в Варшаве школы малолетних шпионов, организованной немцами, где обучались дети славянских национальностей с целью дальнейшего ведения разведки [Там же, с. 210-211]. Вовлечение детей в военные мероприятия влекло за собой трансформацию детского сознания, его идеологизацию, раннее погружение в проблематику взрослой

¹ Андрогинная фемининность – это тип фемининности, который отличается «высоким уровнем сочетания и “женского”, и “мужского”... Они (женщины) успешно сочетают мужские и женские качества, роли, стили жизни» [9, с. 129].

жизни, а следовательно, и в гендерное моделирование в соответствии с нуждами времени. Эти процессы породили далеко идущие последствия, а именно многие подростки уже после войны вели себя агрессивно, не научились разрешать конфликты мирным путем, нередко становились преступниками. Усвоенное ими на войне правило решать все с позиции силы становилось их бичом. Агрессивная маскулинность как продукт военного времени делалась постоянным качеством личности. В сельской местности российского тыла детские рабочие руки заменяли руки убывших на фронт мужчин. Так дети перекладывали на свои плечи гендерные роли взрослых. Форсировался процесс формирования гендерного сознания индивида. Война осуществляла свой гендерный «диктат», навсегда оставляя отпечаток в памяти младшего поколения россиян.

Кроме того, война повлияла на уровень рождаемости. Массовая мобилизация сказалась на количестве новых брачных союзов, снизив рождаемость в целом по стране примерно на 45% [14, с. 11]. Кризис военного времени способствовал возрастанию числа аборт. «Первая мировая война деформировала возрастную структуру населения России. В отличие от возрастной пирамиды 1896-1897 и 1900-х гг., пирамида, отражавшая итоги демографического развития в 1914-1917 гг., имеет «демографические ямы» в возрастах от 5 до 14 лет, т.е. родившихся в 1912-1916 гг., что является следствием падения рождаемости» [Там же, с. 16]. К 1917 г. количественный разрыв между мужчинами и женщинами увеличился на несколько миллионов.

Неудачи русской армии на фронте сопровождалась всплеском революционных настроений в тылу. К 1917 г. накаленная атмосфера общего революционного подъема в России способствовала активизации женского движения. 19 марта 1917 г. на улицах Петрограда была проведена 40-тысячная манифестация петербургских женщин с требованием равных с мужчинами политических прав. Ее итогом, вместе с длительной предшествовавшей борьбой женских общественных организаций за равноправие в стране, стало утверждение Временным Правительством всеобщего равного избирательного права без ограничений по признаку пола. «Правом участия в выборах в Учредительное собрание пользуются российские граждане обоюбого пола, коим ко дню выборов исполнится 20 лет» [16]. Российское общество вступало в период активных гендерных завоеваний, которые подчас приобретали радикальную форму.

В 1917 г. на фронтах наблюдалось падение боеспособности русской армии, учащались случаи дезертирства и братания с противником. С целью переориентации дезертирующих элементов, чтобы «устыдить солдат живым примером и увлечь их за собой» [21, с. 328], во имя сохранения армии, в России санкционировалась трансформация традиционных моделей российской фемининности путем создания добровольческих женских военных отрядов (батальонов) для участия в боевых действиях. Таким способом «российские военачальники, в первую очередь Верховный главнокомандующий русской армией генерал А. А. Брусилов, использовали различные методы агитации для побуждения солдат продолжать сражаться на фронтах Первой мировой войны» [1, с. 137]. Впервые в истории Российской империи под влиянием социальной катастрофы властью вынужденно радикализировалась гендерная политика, способствовавшая ориентации фемининности на мужские модели поведения. Создание женских батальонов стало первым официальным проектом боевой миссии российских женщин. Проект заключался «в создании новой части, еще не виданной в истории, а именно полка, солдаты которого – женщины» и из которых необходимо было создать «честных солдат, верных своей Родине и своей присяге» [25, с. 332].

Центральным звеном женской боевой миссии стал 1-й Петроградский Женский батальон, организованный с разрешения Временного правительства весной 1917 г. и включавший представительниц всех сословий и возрастов [21]. В октябре 1917 г. вторая рота батальона по распоряжению военного министра Временного правительства А. Керенского была задействована в охране Зимнего дворца и мостов. Вечером 25 октября женщины вместе с юнкерами защищали баррикады на подступах к Зимнему, участвовали в перестрелке с большевиками, потом отошли в сам дворец и находились там до его сдачи [4]. Другая часть 1-го Петроградского Женского батальона смерти, начальником которого была известная женщина – солдат Мария Бочкарева, приняла участие в реальных боевых действиях на фронте.

Личность Марии Бочкаревой – это феномен, вобравший и олицетворивший гендерные противоречия эпохи Первой мировой войны. На основе устных воспоминаний Бочкаревой и ее длительных бесед с американским журналистом (уроженцем Одессы) Исааком Дон Левиным последний написал книгу о ее судьбе: «Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы» [3], которая была необычайно популярна в США и Европе периода Первой мировой войны и после нее. Эта книга является основным источником, рассказывающим о судьбе Бочкаревой, но в его достоверность можно верить лишь отчасти. Не написано ни одной монографической работы о Марии Бочкаревой и ее службе в русской армии. Трудности написания такой работы связаны с отсутствием широкого документального материала о Бочкаревой, что порождает массу мифов о ее истинном жизненном пути. В связи с этим личность Марии Бочкаревой остается одной из загадочных женских фигур России периода Первой мировой войны. Опираясь на воспоминания Бочкаревой о своей жизни, мы проанализировали некоторые интересующие нас этапы в судьбе этой женщины.

Довоенный этап жизни Марии Фролковой, в первом замужестве Бочкаревой, был связан с постоянной нуждой, переездами, притеснениями, моральным и физическим насилием со стороны сильного пола, что в целом было не редкостью в жизни молодой русской крестьянки начала XX века, находящейся в зависимости от отца/мужа/созителя. На почве этого Мария предпринимала неоднократные попытки суицида.

С началом Первой мировой войны Бочкарева приняла решение идти воевать солдатом на фронт. Женщин-доброволок, стремящихся попасть на фронт в тот период, появлялось немало. Это явление было массовым. Для большинства из них основным фактором желания воевать был «патриотизм, либо личные причины быть рядом с близким им человеком» [26, с. 44]. Чаще всего патриотизм понимался экспрессивной по определению

женской натурой как романтизация военного подвига, идеализация образа защитника родины. При этом совершенно исключалась из вида армейская будничность и тяготы окопной жизни, а также знаковость женской фигуры в солдатском окружении как объекта вождения. Объективно стремление женщин попасть на фронт и реализовать себя в качестве воина было утопией, к пониманию которой они приходили слишком поздно.

К тому же в русской армии до Великой войны не было легитимной практики участия женщин в боевых действиях в качестве солдат (хотя были исключения), и тем более создания женских боевых отрядов. Поэтому все заявления данного рода от женщин отклонялись. Это обстоятельство являлось главной причиной гендерных метаморфоз, на которые решались последние. «Молодые женщины отрезали свои косы, старались затемнить цвет лица (загаром или косметикой), начинали курить, чтобы голос стал более грубым, затем приобретали солдатскую форму и пробовали устроиться в войска действующей армии» [Там же, с. 42]. Таким образом, женщины перевоплощались в другого гендерного агента, присваивая стереотипы его поведения.

При этом случай Марии Бочкаревой, на наш взгляд, уникальный. Она – единственная из женщин, кто решился получить право на службу в армии легально. Для осуществления своей цели Бочкарева отправила телеграмму с прошением на имя Царя и получила Высочайшее одобрение. Ее приняли в армию на законном основании, и она блестяще выполнила свой солдатский долг, став первой женщиной – четырехкратным Георгиевским кавалером.

Символично иное – трансформация личности Бочкаревой, отказ от фемининной идентичности, с которой у этой женщины связывались самые трагические воспоминания. Бочкарева категорически отказалась поехать на фронт в качестве сестры милосердия. Ее единственной целью было стать солдатом. Кроме общепринятых изменений во внешности (гендерный дисплей), а именно стрижке волос, ношении солдатской формы, сапог, фуражки, Бочкарева отказалась от своего женского имени и просила называть ее Яшкой, именем своего прошлого возлюбленного – уголовника, который чуть не убил ее. В своих воспоминаниях она утверждала, что даже после побега от агрессивного Якова Буга все равно продолжала любить его. Это многое объясняет в знаке присвоения его имени. Этот знак является не только свидетельством личной преданности Бочкаревой своему возлюбленному. Таким приемом Мария ставит себя на позицию силы, через символический уровень идентифицирует себя с Бугом, а следовательно, стремится присвоить маскулинные качества его характера.

В поведении подобного рода Бочкарева не единственная. О. М. Морозова и Т. И. Трошина описывают пример женщины бойца-добровольца по имени «барышня Роберт» [15, с. 14]. Присваивая мужское имя, женщины-солдаты формировали важный психологический конструкт вписывания своей личности в гендерную норму окружения, тем самым присваивая самость Другого, реализуя, таким образом, одну из стратегий нивелирования гендерного напряжения в военной среде (в мужском сообществе). Стремление Бочкаревой на войну можно объяснить не только патриотическим порывом, но и способом избавления от ненавистной бабьей доли, с которой у Марии были связаны самые тягостные воспоминания, главное из которых – зависимость, обязанность подчиняться сильнейшему Другому.

На первых порах пребывания в армии Бочкарева терпит много насмешек и нападок со стороны сослуживцев, которые видят в ней распутную женщину, но она стойко переносит все издевательства, а затем на поле брани доказывает свою отвагу и состоятельность как солдата, за что получает всеобщее уважение. Со временем она настолько сливается со своей новой социальной средой, что вместе с сослуживцами ходит в баню и даже в шутку посещает девиц легкого поведения. Она наконец-то добивается ощущения равноправия с Другим, и осознание этого приносит ей удовлетворение.

Несмотря на неоднократные ранения, Мария возвращается на фронт снова и снова, поскольку не чувствует моральной возможности оставаться в тылу. Никакие трудности фронтовой жизни не могут заставить ее покинуть фронт, потому что только там, в мужской ипостаси, она получила право на самоопределение, возможность доказать свою состоятельность, получила право голоса, право на поступок, право на собственное мнение, право быть личностью. Это обстоятельство свидетельствует о глубокой эмоциональной зависимости, привязанности Бочкаревой к мужскому миру, на который она равнялась и идеализировала как жизненную модель. Таким образом, война дала ей возможность выйти из гендерной тупиковости и создать собственный гендерный проект.

Но всё-таки сущность Бочкаревой оставалась амбивалентной, ведь, пребывая на фронте, она десятками вытаскивала раненых с поля боя, под огнем перевязывала раны, сносила оскорбления, называла себя бабой Яшкой. В этом проявилось главное качество феминности – жертвенность. Личность Бочкаревой была близка к андрогинизму, проявляя то одну, то другую ипостаси своего естества.

Весной 1917 года, с появлением фактов братания русских солдат с немцами и процессов разложения армии, Бочкарева, внутренне не принимая происходящее, решила покинуть фронт и отправиться домой. Однако знакомство с председателем IV Государственной Думы М. В. Родзянко внесло коренные изменения в ее планы. Именно в тот момент Бочкареву осеняет идея создания женского батальона смерти: «А что, если мы соберем сотни три женщин вроде меня, возьмем их на военную службу и сделаем примером для армии, чтобы пробудить в солдатах боевой дух?» [3, с. 211].

Необычный проект Бочкаревой дал ей возможность познакомиться и состоять в общении с представителями высших эшелонов российской власти, такими как Министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский, Верховный главнокомандующий генерал А. А. Брусилов, командующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцев. При их поддержке в мае 1917 г. Бочкарева начинает формирование 1-го Петроградского женского батальона смерти. Желающих вступить в батальон оказалось около 2000 женщин [Там же, с. 218]. В итоге всех новобранцев Бочкарева разделила на два батальона, примерно

по тысяче человек в каждом. В каждом из них было по четыре роты, а в каждой роте по четыре взвода, которыми командовали мужчины-инструктора. Во главе каждой роты также находился старший унтер-офицер или фельдфебель.

Бочкарева стала начальником батальона и требовала высочайшей дисциплины и безоговорочного подчинения ее приказам. Женщинами она руководила на основе полной дефеминизации (никаких поблажек, послаблений, пререканий, нарушений режима дня, общения с противоположным полом) и жестко расправлялась с нарушительницами. В этой ситуации ее поведение склонялось в сторону гегемонной маскулинности и ожидало такой же модели поведения от других женщин. Ярче всего это качество проявилось в тот момент, когда в батальон проникли большевистские агитаторы и начали в нем «подрывную» деятельность, склоняя солдат к неподчинению Бочкаревой и созданию солдатского комитета. В связи с этим в батальоне произошёл раскол, но чтобы сохранить его в том виде, в каком Бочкарева задумывала первоначально, ей пришлось пойти на противостояние с Керенским и Половцевым, которые просили, а затем приказывали Марии пойти на компромисс и разрешить создание солдатского комитета. «Главная особенность в работе комитетов – это бесконечная говорильня, и ничего другого. Немцы целыми днями занимались в окопах какой-то работой, а наши ребята болтали. А я всегда считала, что главное на войне – активные действия и только они принесут победу» [Там же, с. 241]. Противостоять приказам высокопоставленных лиц и добиться своего могла только фигура, обладающая могучей силой народного характера. И в этом сказалась стихийность Бочкаревой. Своей первобытной интуицией неграмотной крестьянки она понимала причину коренного противоречия, сложившегося на фронте и порождавшего раскол в некогда самой мощной армии мира. В итоге батальон отправился на фронт под ее единоличным командованием.

Батальон был приписан к 10-й армии, которая воевала в районе Молодечно. Ему удалось принять участие в боях на передовых позициях и даже вопреки однополчанам-мужчинам, находившимся под влиянием агитаторов-большевиков, идти первым в атаку. В период деморализации армии, после известия о падении Временного правительства и прихода к власти большевиков, женщины батальона вместе с Бочкаревой спасались с фронта бегством. «Несмотря на искренний порыв женщин послужить Отечеству и готовность умереть за него, военные женские команды так и остались всего лишь ярким суррогатом деградирующей армии 1917 года» [4]. Создание женских боевых батальонов можно рассматривать как военный «гендерный эксперимент», предпринятый российским командованием с целью реанимирования боевого духа армии.

Первая мировая война явилась причиной глубоких изменений в российском гендерном порядке. Ключевой фактор военного времени – мобилизация – явился причиной радикальных изменений гендерных ролей в российской деревне, а также принес гендерные трансформации в трудящуюся среду городского населения. Мобилизация обнажила факт кризиса героизированной маскулинности как в буржуазно-интеллигентской, так и в простонародной среде российского общества. Бремя войны создало многочисленные предпосылки для выдвижения женщин в публичную сферу жизни, а также стало источником формирования новой гендерной идеологии «женщины-воина». Мировая война явилась причиной создания первого в истории России официального проекта боевой миссии российских женщин. Она стала предпосылкой раннего гендерного моделирования в детско-подростковой среде российской молодежи и присвоения ею роли бойца-защитника. Гендерные катаклизмы военного времени привели к негативным демографическим последствиям в российском обществе.

Список источников

1. **Абашева Ж. В.** Московский женский батальон смерти в годы Первой мировой войны: из истории создания // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 137-141.
2. **Большакова О. В.** Проблемы и перспективы гендерной истории Первой мировой войны [Электронный ресурс]. URL: http://inion.ru/index.php?page_id=534 (дата обращения: 08.01.2017).
3. **Бочкарева М. Л.** Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы / в записи Исаака Дон Левина. М.: Воениздат, 2001. 445 с.
4. **Васильев М. В.** 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 года [Электронный ресурс]. URL: <http://histrf.ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/1-i-pietrogradskii-zhenskii-batal-on-v-sobytiakh-1917-ghoda> (дата обращения: 12.02.2017).
5. **Головин Н. Н.** Военные усилия России в мировой войне / закл. статья И. В. Образцова. Жуковский – М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
6. **Дементьев И. О.** Современная историография о гендерных аспектах истории Первой мировой войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2014. № 12. С. 84-93.
7. **Ермолов В.** Женщины и дети в сражениях Первой мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belrussia.ru/page-id-5884.html> (дата обращения: 08.03.2017).
8. **Ильиных С. А.** Множественная маскулинность [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/12/07/1270377758/Ilinykh.pdf> (дата обращения: 26.02.2017).
9. **Ильиных С. А.** Множественная фемининность // European Science Review. 2014. № 3-4. С. 128-131.
10. **Канаев И. Н., Щербинин П. П.** Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914-1917 годов // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 8. С. 207-212.
11. **Колоницкий Б. И.** Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: сборник статей / ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 100-126.
12. **Кон И. С.** Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/06/23/1212338734/01-Kon.pdf> (дата обращения: 26.02.2017).
13. **Куимов В. С.** Проблема типологии маскулинности в гендерных исследованиях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 26-30.

14. Морозов С. Д. Мужчины и женщины в России в годы Первой мировой войны: демографический кризис и потери населения // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 10-20.
15. Морозова О. М., Трошина Т. И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 8-30.
16. Об избирательном праве [Электронный ресурс] // Об утверждении раздела I положения о выборах в Учредительное собрание: Постановление Временного правительства от 20 июля 1917 года. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5411/> (дата обращения: 23.04.2017).
17. Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье: монография / под ред. М. М. Есиковой, П. С. Кабытова, К. В. Самохина. М.: Новый хронограф, 2015. 288 с.
18. Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. Ю. П. Шаттона; под ред. М. П. Мохначевой. М.: РГГУ, 2005. 448 с.
19. Пушкарева И. М. Изучая «рабочую историю» периода Первой мировой войны // Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 21 (192). Вып. 32. С. 125-133.
20. Сидоров А. Л. Экономическое положение рабочих в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 656 с.
21. Стеблин-Каменская Н. Первый Петроградский женский батальон // Добровольцы: сборник воспоминаний. М.: Русский путь, 2014. С. 327-330.
22. Сулимов И. Дети Первой мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/18005-deti-pervoy-mirovoy-voyny.html> (дата обращения: 08.03.2017).
23. Тютюкин С. В. Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX веке: в 3-х кн. / рук. проекта и сост. О. А. Ржешевский. М.: Наука, 2008. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Ин-т всеобщ. истории РАН. С. 120-160.
24. Холодов В. А. Первая мировая война в восприятии русских солдат // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31). С. 220-225.
25. Шагал П. Женский батальон // Добровольцы: сборник воспоминаний. М.: Русский путь, 2014. С. 331-344.
26. Щербинин П. П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914-1918 годов // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 3. С. 42-49.
27. Энгл Б. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 1. С. 148-178.

INFLUENCE OF THE FIRST WORLD WAR ON DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN GENDER SYSTEM. PHENOMENON OF MARIA BOCHKAREVA

Perel'man Irina Vladimirovna
Moscow State University of Education
perelman7655@mail.ru

The article examines the basic motives to transform the Russian gender system of the First World War period. The author analyzes factors, which conditioned gender cataclysms, identifies gender ideologies of the war time. The paper focuses on the personality of the famous woman-soldier Maria Leontievna Bochkareva and concludes that the First World War cardinally changed the meaning of gender roles that caused negative demographic consequences for the Russian society.

Key words and phrases: gender system; masculinity; femininity; gender ideology; gender stereotypes; gender history.

УДК 94(571.122 Сургут)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается история проектно-архитектурной работы в административном центре освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири – городе Сургуте. Отмечается существенный вклад в нее сургутских архитекторов и показывается, что, несмотря на необходимость массового расселения трудовых ресурсов в типовых домах, утвержденных руководящими проектными организациями, они последовательно осуществляли поиск индивидуальных форм гражданского и жилищного строительства на севере Тюменской области, придавая городу Сургуту оригинальный архитектурный образ.

Ключевые слова и фразы: архитектура; индивидуальный проект; пионерное поселение; массовая застройка; градостроительство; заказчик; экспериментальное проектирование.

Прищепа Александр Иванович, д.и.н., профессор
Сургутский государственный университет
aiprishepa@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСЛОКАЦИОННОГО И АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА СУРГУТА В НАЧАЛЕ 1970-Х – НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.

Невыразительный архитектурный облик современных северных городов, основанных в годы форсированного нефтегазового освоения Западной Сибири во второй половине XX века, предопределяет необходимость обращения к истории тех территорий дислокации первооткрывателей крупнейшей в стране энергетической провинции, где удалось осуществить яркие архитектурные проекты ее застройки. Такой строительной площадкой являлся город Сургут.